

О ПЕРЕВОДЕ ШВЕДСКИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПЕРВЫМ КОМПОНЕНТОМ – СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ НА ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК

С. НЕДЕЛЯЕВА-СТЕПОНАВИЧЕНЕ

Словообразовательные системы шведского и литовского языков, насколько известно, еще не были предметом сопоставительного изучения. Перевод не является методом, при котором оказываются сопоставленными словообразовательные системы в целом, следовательно, он не может считаться наилучшим методом для выявления сходств. Перевод¹ скорее является методом для выявления различий. Как известно, процесс перевода с одного языка на другой, т.е. „перевода в собственном смысле“ (выражение Р. Якобсона²) состоит из двух этапов: анализа и синтеза. Конечная цель первого этапа заключается в выявлении значений, соответствующих формальным категориям языка, с которого делается перевод. Конечная цель второго этапа состоит в выявлении в языке, на который делается перевод, формальных категорий, соответствующих найденным значениям. Формальные категории, соответствующие в разных языках одному и тому же значению, обычно оказываются различными, как различны сами языки.

Тем не менее изучение закономерностей перевода со шведского языка на литовский может послужить в качестве первого этапа сопоставления двух словообразовательных систем, поскольку между системами словосложения двух языков имеется немало сходства. Это должно сказаться также и на переводе. Поэтому при изучении закономерностей перевода шведских сложных слов на литовский язык особое внимание будет обращать на те случаи, когда сложному слову при переводе будет соответствовать также сложное слово.

Выбор именно данной темы в качестве начального этапа сопоставительного рассмотрения двух словообразовательных систем и в частности двух систем словосложения продиктован практическими соображениями. Предполагается, что выявление закономерностей перевода шведских сложных слов на литов-

¹ В настоящей статье речь идет о переводе как словарном эквиваленте, или как об варианте на уровне языковой нормы. Мы сознательно отвлекаемся от художественного аспекта перевода, т. е. от тех случаев, когда выбор варианта зависит от стоящей перед переводчиком конкретной стилистической задачи.

² R. Jakobson, *On Linguistic Aspects of Translation, — On Translation*, Cambridge—Massachusetts, 1959, p. 233.

ский язык должно облегчить работу студентов и переводчиков шведской литературы на литовский язык³, а также помочь в составлении шведско-литовского словаря, в котором назрела острая необходимость.

Сопоставление изучаемого языка с родным, изучение с помощью перевода с давних времен осознавалось как важное и плодотворное, прежде всего при пассивном изучении языка, т.е. когда внимание учащихся направлено на то, чтобы научиться читать и понимать иностранный текст⁴. Шведский язык преподается в Вильнюсском университете в качестве факультативной дисциплины, поэтому естественно, что речь может идти в первую очередь о пассивном усвоении языка. Вместе с тем установление закономерностей перевода на литовский язык может оказаться полезным для знающих шведский и интересующихся литовским языком — известно, что интерес к литовскому языку повсеместно возрастает. В таком случае аспект усвоения литовского языка будет уже активным.

Отношения, которыми связаны компоненты сложного слова, в том числе и сложного существительного выбранной модели, формально никак не выражены и выявляются только при семантико-синтаксических преобразованиях или при переводе на другой язык, играющем роль аналогичных преобразований. Отношения между компонентами сложного слова в большинстве случаев являются крайне неопределенными. Эти отношения семантически могут быть самыми разными при условии, что первый компонент уточняет, характеризует, конкретизирует более общее понятие, выраженное вторым компонентом.

Одна и та же структурная модель шведского сложного слова при заполнении ее различными компонентами выражает различные отношения и требует различного перевода. Возьмем для примера несколько сложных существительных с одинаковым первым компонентом: *damfrisör*, *damcykel*, *dambassäng*, *dambekant*, *damspel*. Первые три слова, а возможно, и четыре, если не относить слово *dambekant* к копулятивным сложным словам, будут сложными т.н. „свободного типа“ (или по другой терминологии, „нестойкими“, „синтаксическими“, „раздельнонаправленными“), и способы перевода на литовский язык в каждом случае будут различны: *moterų kirpėjas* „женский парикмахер“, *moteriškas*

³ Шведский и литовский языки с давних пор находятся в тесном „переводческом контакте“ (термин Г. Я. Туровера). На протяжении предыдущих двух десятилетий, однако, переводы шведских книг делались почти исключительно с русских или других иноязычных переводов. В последние годы благодаря росту национальных переводческих кадров все чаще появляются переводы с языка оригинала.

⁴ Исторический обзор применения метода перевода в практике преподавания языков см. в книге: И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Основы общего и машинного перевода, М., 1969, стр. 35.

divratīs „женский велосипед“, *baseinas moterims* „женский бассейн“, *pažištama moteris* „знакомая женщина“ или просто *pažištama* „знакомая“⁶. Перевод будет зависеть от того, каким образом понятие, обозначаемое первым компонентом, определяет понятие, обозначенное вторым компонентом. Последнее слово данного ряда *damspel* представляет связанное сложное слово (или „идиоматическое“, „фразеологическое“, „цельнонаправленное“ и т.д.), в котором один из компонентов *dam* подвергается переносу значения и означает „дамка“ (фигура игры). *Damspel* означает „шашки“, лит. *šашkės*.

При одинаковом втором компоненте *papperkorg*, *hundkorg*, *bröstikorg* имеем три различных способа перевода на литовский язык: *popierdėžė* (сложное слово) „корзина для бумаг“, *pintinė šuniui laikyti* „собачья корзина“ и *krūtinės ląsta* „грудная клетка“.

Одно и то же слово может быть и фразеологическим, и свободным, однонаправленным и разнонаправленным, и перевод его будет различным. Ср. *kejsarkrona*: 1) *Vokietijos imperijos karūna* „корона Германской империи“ и 2) *margutė* „королевская лилия“ (вид цветка). *Pāfāgelōga*: 1) *povo akis* „павлиний глаз“ (глаз павлина), 2) *spungė* „павлиний глаз“ (вид бабочки).

Одно и то же слово может быть многозначным вследствие различных семантических отношений, эксплицитно не выраженных: *smörgāsmat* может означать „бутербродное питание“ (состоящее из бутербродов) и „продукты для приготовления бутербродов“. В первом случае перевод будет *buterbrodinė mityba* (*maitinimasis buterbrodais*), во втором — *maistas buterbrodams* (*daryti*). В зависимости от контекста, уточняющего значение слова, его перевод может быть различным: *farstudörr* „дверь прихожей“ может означать: „дверь, ведущая в прихожую“ (*durys į priėangį*), и „дверь из прихожей“ (*durys iš priėangio*), *hattask* „шляпная коробка“ может быть переведено как *dėžutė skrybėlėms* (коробка для шляп), *dėžutė su skrybėle* (коробка со шляпой), *dėžutė nuo skrybėlės* (коробка от шляпы) и т.д.

На необходимость в любом случае анализа так называемых определенных сложных существительных обратиться к истории порождения слова, т.е. вскрыть отношения между компонентами, указывают И. И. Ревзин и

⁶ И. В. Каллистова, О синонимии сложных существительных и сходных с ними словосочетаний в современном шведском языке, — Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, 1960, вып. 62. Термины „раздельнонаправленное“, „цельнонаправленное сложное слово“ были созданы М. Д. Степановой по образцу терминов А. И. Смирницкого „цельнооформленность“ и „раздельнооформленность“, которые А. И. Смирницкий употребляет в целях отграничения сложного слова от словосочетания. См. М. Д. Степанова, Методы синхронного анализа лексики, М., 1968, и др. работы.

В. Ю. Розенцвейг⁶. Несмотря на то, что авторы анализируют немецкое сложное слово, сказанное в полной мере относится и к шведскому сложному слову.

Решающее значение для перевода имеют два фактора: 1) степень слитности компонентов и 2) отношения между компонентами сложного слова.

По степени слитности компонентов сложные слова в германских языках обычно разделяются на „свободные“, с одной стороны, и на „фразеологические“, „идиоматические“, с другой; или же на „цельнонаправленные“ (идиоматические) и на „раздельнонаправленные“ (неидиоматические); на „лексические“ и „синтаксические“, „стойкие“ и „нестойкие“; „метафорические“ и „неметафорические“ и т.д. Строгого разграничения этих альтернативных терминов, однако, нет, и нередко слова, соответствующие тем, которые одни авторы безоговорочно относят в одну группу, у других попадают в другую. В частности, слова с полуаффиксами относятся то к „лексическим“, то к „синтаксическим“. Само понятие „полуаффикс“ у различных авторов не совпадает.

Исходя из этого, целесообразно, по-видимому, сложные слова в шведском языке разделять на слова, в которых есть перенос значения хотя бы одного из компонентов, и на слова, в которых семантика компонентов не отличается или почти не отличается от семантики соответствующих слов в свободном употреблении, или на слова со связанным значением компонентов и на слова со свободным значением компонентов.

1. Перевод сложных слов с несвободным значением компонентов

Сложные существительные, образованные в соответствии с рассматриваемой моделью, в которых есть перенос значения хотя бы у одного из компонентов, на литовский язык в подавляющем большинстве случаев переводятся как одно слово. Происходит это потому, что шведское сложное слово обозначает в данном случае одно понятие и функция сложного слова номинативная: *spårvagn – tramvagn* „трамвай“, *sköldpadda – vëžlys* „черепаха“, *pannaka – sklindis* „блин“, *trädgård – sodas* „сад“, *hästasko – pasaga* „подкова“. Нередко в литовском языке переводом будут производно-аффиксальные слова: *glasögon – akiniai* „очки“, *fingerborg – antpirštis* „напёрсток“, *ögonbryn – antakis* „бровь“.

Слова с так называемыми „полусуффиксами“⁷ будут переводиться на литовский язык аффиксальными образованиями, поскольку литовский язык обладает весьма четкой и дифференцированной системой аффиксов. Так, слова с полусуффиксом *-rum*, *-sal* получают четкое оформление значения комнаты, помещения: *matsal – valgomasis* „столовая“ (*komnata*), *mottagningsrum – priimamasis* „приемная“. Различные аффиксы литовского

⁶ И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, Основы..., стр. 197.

⁷ О понятии „полусуффикс“ („семисуффикс“) см. H. Marchand, *The categories and types of present-day English word-formation*, Wiesbaden, 1960, p. 290. О полусуффиксах в шведском языке см. одноименную статью И. В. Каллистой в Учёных записках ЛГУ, 1962, Серия филологических наук, вып. 67.

сии, роду занятий, характерному признаку: *timmerman* – *stalius* „плотник“, *köpman* – *pirklys* „купец“, *brandman* – *gaisrininkas* „пожарник“, *järnvägsman* – *geležinkelietis* „железнодорожник“, *tjänsteman* – *tarnautojas* „служащий“, *tjänstekvinna* – *tarnautoja* „служащая“. Слова с суффиксом *-in-*, *-un-* означают совокупность чего-либо: *ordbok* – *žodynas* „словарь“ (совокупность слов), *kyrkogård* – *kapinės* „кладбище“ (совокупность могил); суффикс *-uol-* указывает на то или иное качество: *pepparkaka* – *meduolis* „пряник“ (буквально „из меда, на меду“) и т. д.

Словам с полуаффиксами, указывающими на пол или обозначающие степень, соответствуют литовские аффиксальные образования, выражающие указанное значение отдельно или в совокупности обоих признаков: *bjornunge* – *lokiukas* „медвежонок“, *härhona* – *zuikė* „зайчиха“, *hankatt* – *katinas* „кот“, *honhvalp* – *kalytė* „щенок женского пола“.

Сложные слова со связанным значением компонентов могут передаваться аналогичными сложными словами: *tröllslända* – *laumžirgis* „стрекоза“ (букв. „ведьмин скакун“), *regnbåge* – *vaivorykštė* „радуга“ (букв. „розга феи“). Интересно, что внутренняя форма таких сложных слов может быть очень похожей, как в случае „стрекоза“: шведское *tröllslända* (букв. „чёртово веретено“) и литовское *laumžirgis* (букв. „ведьмин скакун“).

Реже переводом связанного сложного слова будет фразеологическое словосочетание: *modersmål* – *gimtoji kalba* „родной язык“, *barntädgård*⁸ – *vaiku darželis* „детский сад“. Нередко такие фразеологические сочетания представляют собой кальки с других языков, как показывает последнее слово. Вместо сочетания *gimtoji kalba* в литовском раньше употреблялась также калька с немецкого *Muttersprache* – *motinos kalba*⁹. Сочетание с адъективизированным причастием в литовском языке утвердилось, по-видимому, под влиянием славянских, в первую очередь польского и русского, ср. польск. *język ojczysty*, русск. „родной язык“.

Перевод шведского сложного слова с несвободным отношением компонентов на литовский язык в принципе не отличается от перевода этих слов на русский язык. Однако как только мы перейдем к переводу на литовский сложных слов со свободным отношением компонентов, различие литовского и русского языков будет очевидным.

⁸ Многочленные сложные слова в германских языках в действительности являются двучленными, компоненты которых связаны одним из видов отношений, характерных для обычного двучленного сложного слова.

⁹ *Siebensprachen Wörterbuch*, Leipzig, 1918, S. 223.

II. Перевод сложных существительных, у которых семантика компонентов аналогична значениям, имеющимся у соответствующих слов в свободном употреблении

Для перевода шведских сложных существительных указанного типа, в которых отношение между компонентами является свободным, целесообразно прежде всего выделить два вида отношений между компонентами: I) отношения предметного, или относительного, признака и II) отношения качественного признака. В группе относительного признака следует выделить три вида отношений: 1) отношения принадлежности, 2) отношение к материалу и 3) изъяснительные отношения.

I.1. **Отношение принадлежности**, понимаемой в широком смысле. Сюда относятся отношения части к целому, принадлежность по обладанию, месту, времени, происхождению и некоторые другие виды принадлежности.

Отношение между компонентами: предмет, названный первым компонентом, имеет (или имел — в случае происхождения предмета, отторгнутого от своего источника) предмет, названный вторым компонентом. Для выражения отношения принадлежности в литовском языке существует универсальный способ сочетания с родительным падежом¹⁰. Примеры: *fågelbo* — *paukščių lizdas* „птичье гнездо“, *tandemalj* — *dantų emalė* „зубная эмаль“, *barnsmil* — *vaiko šypsena* „детская улыбка“ (в знач. „на лице ребенка“), *bergmark* — *kalni pieva* „горный луг“, *kohud* — *karvės oda* „коровья кожа“, *vattenfauna* — *vandens gyvūnai* „водоплавающие“, *hönägg* — *vištos kiaušinis* „куриное яйцо“, *ormgift* — *gyvatės nuodai* „змеиный яд“, *höstkväll* — *rudens vakaras* „осенний вечер“, *byfolk* — *kaimo žmonės* „сельские жители“.

Родительный падеж может иметь форму единственного или множественного числа, в зависимости от того, конкретизирует ли он принадлежность одному или нескольким предметам. Так, *fågelbo* может быть переведено и как *paukščių lizdas* „гнездо птиц“, *tandemalj* — *danties emalė* „эмаль зуба“ (на зубе), *barnsmil* — *vaikų šypsenos* „улыбки детей“ и т.д.

Временные понятия шведского языка типа *pa måndagskvällen*, *på lördagsmorgonen* на литовский язык передаются таким же сочетанием с родительным падежом, как и обычные сложные существительные с отношением принадлежности к времени, с той лишь разницей, что существительное, определяемое родительным падежом, само стоит в творительном падеже: *pirmdienio vakare* (букв. „вечером понедельника“), *šeštadienio ryte* (букв. „утром субботы“). Таким образом, перевод второй части сложного слова будет таким же, как если бы второй компонент находился в самостоятельном употреблении с предлогом: *på kvällen* — *vakare* „вечером“, *på morgonen* — *ryte* „утром“.

¹⁰ К. Мустейкис, Сопоставительная морфология русского и литовского языков, Вильнюс, 1972, стр. 80.

Такие временные понятия, передаваемые сложным словом, как *vid tiotiden*, *vid sjutiden*, на литовский передаются сочетанием предлога *apie* „около“ с количественным числительным или с порядковым + существительное *valanda* „час“: *apie dešimt* „около десяти“, *apie septynias (valandas)* „около семи (часов)“, *apie dešimtą*, *apie septintą*.

Часть переводов сложных слов данной группы будет сложным словом: *storkbo* — *gandralizdis* „гнездо аиста“, *grankvist* — *egliškakė* „еловая ветка“, *kålblad* — *kopūstlapis* „капустный лист“, *veckoslut* — *savaitgalis* „конец недели“, *brorsson* — *broliavaikis* „племянник“, *skäggsstra* — *barzdaplaukis* „волосок бороды“, *harvpinne* — *akėčvirbalis* „зуб бороны“, *knivskaft* — *peiliakotis* „ручка ножа“. Как видим, это в основном сложения с отношением узкой принадлежности, прямого владения, части к целому. В остальных случаях сложному слову на уровне нормы предпочитается сочетание с родительным падежом: ср. *bergmark* — *kalnapiėvė* и более обычное „*Kalnų piėvos*“ „Горные луга“ (название стихотворения Т. Венцловы), *vinterväg* — *žiemkelis* и более обычное *žiemos kelias* „зимний путь“. Таким образом, при основном варианте — сочетании с родительным падежом в конкретизирующей форме единственного или множественного числа имеется вариант — сложное слово для шведских слов, принадлежащих к устойчивому слою лексики и опирающихся на устойчивые сочетания.

1.2. Материал. Вторую подгруппу сложных слов данной группы составляют слова, в которых первый член указывает на материал, из которого сделан или состоит предмет, названный вторым членом. Основным способом выражения отношения предмета к материалу в литовском языке является сочетание с относительным прилагательным: *silverring* — *sidabrinis žiedas* „серебряное кольцо“, *lerkruka* — *molinis puodukas* „глиняный горшочек“, *trättrappa* — *medi-niai laiptai* „деревянная лестница“.

Поэтому можно составить правило подачи в шведско-литовском словаре сложных слов с первым компонентом, указывающим на материал, в случае, когда отношения компонентов означают обычное отношение материала („сделано из...“, „состоит из...“): *trā-* — *medinis*, *silver-* — *sidabrinis*, *guld-* — *auksinis*, *glas-* — *stiklinis*, *vax-* — *vaškinis*, *järn-* — *geležinis*, *ler-* — *molinis* и т.д.

В тех случаях, когда отношение между компонентами не является обычным отношением простого определения по материалу, но значение материала особо подчеркивается, актуализируется, находим сочетание с родительным падежом: *aukso žiedas* вместо обычного *auksinis žiedas* „золотое кольцо“¹¹. Сочетание с родительным падежом вместо сочетания с относительным прилагательным всегда обладает более конкретным значением¹². Существительное в

¹¹ На различие в значениях между сочетанием с родительным падежом (Genitivus materiae) и сочетанием с относительным прилагательным указывает, например, Френкель, см.: E. Fraenkel, Die baltischen Sprachen, Heidelberg, 1950, S. 223. См. о том же: P. Skardžius, Priesaga -inis ir kilmininkas, Gimtoji kalba, 1935, p. 86.

¹² К. Мустейкис, Сопоставительная морфология..., стр. 78.

родительном падеже может быть распространено определением уточняющего характера: *gryno, tikro aukso žiedas* „кольцо из чистого, настоящего и т.п. золота“. Нераспространенное сочетание с родительным падежом на месте обычного сочетания с относительным прилагательным употребляется в стилистических целях¹³. Оно особенно часто встречается в литовском фольклоре: *aukso žiedeliai mukaldinti* (из народной песни).

В русском языке указанный оттенок приблизительно передается оборотами типа: „рубашка тонкого полотна“; „в узкой куртке черного бархата“ (А. Толстой „Петр Первый“), однако такие сочетания с беспредложным родительным, распространенным каким-либо определением, не характерны для современного русского языка и придают стилю архаический характер. Для современного же литовского языка сочетания с родительным падежом с целью обозначения материала вполне употребительны.

Подобным образом сочетание с родительным падежом служит для подчеркивания материала в случае его необычности: *Stiklo tiltas* „Стеклянный мост“ (название переводного сборника словенских сказок), ср. с обычным *medinis tiltas* „деревянный мост“. В шведском здесь имеем, как и в других случаях, где есть указание на материал, сложное слово, являющееся окказиональным образованием: *glasbro*. Также: *Kaukazo kreidos ratas* „Кавказский меловой круг“ (название пьесы Б. Брехта). Точно так же *torvsoffa – velėnų suoloelis* „торфяная скамеечка“; ср. с обычным *järnsäng – geležinė lova* „железная кровать“.

Аналогично имеем подчеркивание материала в случае, когда второй компонент является словом, самостоятельно не употребляющимся, семантика которого раскрывается только при указании на материал: *guldtačka – aukso luitas* „золотой слиток“, *guldlegering – aukso lydinys* „сплав золота“, *järnmalm – geležies rūda* „железная руда“. Этот случай трудно отграничить от следующей, третьей подгруппы сложных слов первой группы, когда второй компонент определяется по отношению к первому на основании какого-то признака, поэтому указанные сложные слова могут относиться к третьей подгруппе.

В сущности, к словам с необычным значением материала относится случай несобственного значения материала, который находим в сложных словах со связанным значением компонентов, называемых обычно фразеологическими или идиоматическими, с первым компонентом в собственном значении слова, указывающим на материал: *guldkalv, guldmedalj* соответственно *aukso veršis*

¹³ На это обращает внимание К. Мустейкис, ук. соч., стр. 75.

„золотой телец“, *aukso medalis* „золотая медаль“. В первом слове переосмыслению подверглись оба компонента, во втором — первый компонент *guld* не столько содержит указание на материал, сколько осмысливается как символ первого места: как известно, процент золота даже в олимпийских медалях весьма невелик.

Этот случай следует отличать от сложных слов со связанным значением компонентов типа *järnhand*, *guldfisk*, *silverbröllåp*. Значения материала здесь нет, а есть лишь признак специфический, особый, близкий к качественному признаку. Следовательно, и перевод будет соответствовать формуле перевода сложных слов с отношением такого признака (см. ниже), т. е. сочетанию с относительным прилагательным: *geležinė ranka* „железная рука“, *auksinė žuvelė* „золотая рыбка“, *sidabrinės vestuvės* „серебряная свадьба“. В соответствии со связанным сложным словом шведского языка литовские словосочетания будут фразеологическими.

Таким образом, основным вариантом перевода сложных слов данного типа с собственным значением материала является сочетание с относительным прилагательным, факультативным — сочетание с родительным падежом. В случае несобственного значения материала, при соотносительности с материалом без указания на признак, употребляется сочетание с родительным падежом (т. е. то же, что и факультативный вариант), при соотносительности с материалом и одновременном подчеркивании признака имеем сочетание с относительным прилагательным (т. е. то же, что и основной вариант).

Таким образом, запись соответствующих сложных слов в словаре будет иметь следующий вид: *trå-, järn-, guld-, strå-* и т. д. в обычном значении материала без его особого выделения, подчеркивания признака в речи или в непрямом значении материала, но с подчеркиванием признака — *medinis, geležinis* „деревянный, железный, золотой, соломенный“ и т. д.; *trå-, järn-, guld-, strå-* в непрямом значении материала без указания на признак или в подчеркнутом в речи значении материала — *medžio...*, *geležies...*, *aukso...*, *šiaudų...* и т. д.

Наконец, на периферии выражения отношения материала и способов перевода слов указанной группы находим сложные слова: *stentröskel* — *akmen-slenkstis* „каменный порог“, *potatismjöl* — *bulviamilčiai* „картофельная мука“, *benmjöl* — *kaulamilčiai* „костяная мука“. Удельный вес сложных слов-эквивалентов шведским сложным словам данной группы весьма невелик, т. к. огромное большинство сложных слов в литовском языке с первым компонентом, в свободном употреблении обозначающим материал, подверглось специализации или переосмыслению значения. Так, *medjuostė* от *medis* „дерево“ и *juosta* „лента“ означает не любую деревянную дощечку, но деревянную дощечку со специальным назначением, плитус. Переосмысление значения в данном типе

сложного слова происходит чаще всего по типу бахуврихи, обычно на основе метафоры: *auksažiedė* – от *auksas* „золото“ и *žiedas* „цветок“ – название растения, *sidabraplaukis* – от *sidabras* „серебро“ и *plaukas* „волос“ – „тот, у кого серебряные (похожие на серебряные) волосы“. Литовскому *medpadžiai* от *medis* „дерево“ и *padas* „подошва“ не будет соответствием ни *träsulor* „деревянные подошвы“, ни *trāskor* „деревянные башмаки“, т.к. *medpadžiai* означает „башмаки на деревянных подошвах“.

Очень часто первый компонент анализируемых литовских сложных слов указывает не на материал, а на назначение предмета: *medžirkklės* „ножницы для подрезания дерева“, *medsraigtis* „шуроп для дерева“, хотя и имеется *medvinė* „деревянный гвоздь“. *Popierdėžė* означает не *бумажный (картонный) ящик*, но „ящик (корзина) для бумажных отбросов“ и т.д.

В литовских сложных словах крайне редко наблюдается чистое значение материала. Характерно, что в сложных словах с четким словообразовательным значением с первым компонентом, указывающим на материал, которые в толковых словарях объясняются через соответствующие свободные словосочетания, таким сочетанием будет не основной способ выражения данного значения – сочетание с относительным прилагательным, а факультативный – сочетание с родительным падежом: *lerjord – molžemė* „глинозем“, *molžemė – molio žemė* (Словарь современного литовского языка); *blodmjöl – kraujamilčiai* „кровяная мука“, *kraujamilčiai – išdžiovinto kraujo koncentratas* (там же) „концентрат из обезвоженной крови“. Отношение второго компонента к первому здесь – не „сделано из чего-то“ („состоит из чего-то“), а „характеризуется через что-то“, т.е. соответствующие шведские сложные слова следует относить скорее к следующему, третьему типу.

1.3. Третью, наиболее многочисленную подгруппу в группе относительного признака составляют сложные слова с изъяснительным отношением компонентов¹⁴. Эта подгруппа семантически наиболее четко противопоставлена группе сложных существительных, в которой компоненты связаны отношением качественного признака, что находит отражение в различном способе перевода. Отношения, связывающие компоненты сложного слова, могут быть самыми разнообразными: *konsertsal – koncertų salė* „концертный зал“, *utgångspunkt – išeities taškas* „исходный пункт“, *dockteater – lėlių teatras* „кукольный театр“, *hundracer – šunų veislės* „породы собак“, *mjölflaska – pieno butelis* „бутылка молока“, *fogelsång – paukščių čiulbėjimas* „птичье пение“, *vatten-*

¹⁴ Мы здесь пользуемся термином И. В. Каллистовой, хотя в несколько ином понимании. У И. В. Каллистовой в эту группу включаются и отношения „качества или свойства“, т.е. относительный и качественный признак не разграничиваются. Эта группа у И. В. Кал-

fauna – vandens gyvūnai „водоплавающие“, *möbelfabrik – baldų fabrikas* „мебельная фабрика“, *advokatsyrke – advokato profesija* „профессия адвоката“, *skogshugning – miško kirtimas* „рубка леса“ и т.д. Как мы видели, переводом во всех случаях был родительный падеж – так называемый литовский родительный изъяснительный (*nusakomasis kilmininkas*), имеющий чрезвычайно широкий диапазон значений. В грамматиках родительный изъяснительный характеризуется как определяющий, объясняющий предмет с самых разных сторон: со стороны его назначения, содержания, объекта действия и др.¹⁵

Очень часто предметная соотнесенность является одновременно и видовой соотнесенностью в тех случаях, когда предмет, названный первым компонентом, уточняет, какой вид из класса, названного вторым компонентом, имеется в виду. Поэтому почти все сложные существительные, выделенные О. К. Поповым¹⁶ как „видовые“, войдут именно в эту группу: *barrskog – spygliuočių miškas* „хвойный лес“, *lövskog – lapuočių miškas* „лиственный лес“, *granskog – eglynas* „ельник“, *maggsjukdom – skrandžio liga* „заболевание желудка“, *idrottsgren – sporto šaka* „вид спорта“.

Выражение видового отношения характерно также для большой группы литовских сложных слов. Поэтому естественно, что очень часто переводом сложного слова данного типа будет также сложное слово: *revben – šonkaulis* „ребро“, *bröstben – krūtinkaulis* „грудная кость“, *näsben – nosikaulis* „носовая кость“, *sömnsjuka – miegligė* „сонная болезнь“, *sockersjuka – cukraligė* „сахарная болезнь“ (диабет). Подобно шведскому языку, в литовском выделяются классы (поля) деревьев (*granatmedis, alyvmedis*), кустей (*sturburkaulis, mentikaulis*), ягод (*gervuogė, skujauogė*), трав (*vilkažolės, pienžolė*), бумаг (документов) различного рода (*valgiaraštis, prekyraštis*), болезней (*kraujaligė, vėžligė*), рукояток (*šakiakotis, meškerikotis*), стеблей (*žiedkotis, kopūstkotis*) и многие другие, в значительной части охваченные словосложением.

листовой противопоставлена группам сложных слов с четким отношением принадлежности, времени, места, материала и т.д. См.: И. В. Каллистова, О переводе шведских определительных сложных существительных на русский язык, Скандинавский сборник, IV, Тарту, 1959. В нашем понимании группа слов с изъяснительным отношением компонентов вместе с другими группами сложных слов с предметным отношением компонентов противостоит группе слов с качественным отношением компонентов. Иными словами, это не просто „прочие отношения“, но „прочие некачественные отношения“. Кроме того, объектом рассмотрения у И. В. Каллистовой являются сложные существительные с первым компонентом – любой частью речи, а не только существительным, ввиду чего дать какое-либо обобщение способов перевода сложных слов данного типа на русский язык, по собственному признанию И. В. Каллистовой, не представляется возможным. Перевод же на литовский язык слов данной группы, наоборот, как раз отличается большой четкостью.

¹⁵ Lietuvių kalbos gramatika, t. I, Vilnius, 1965, p. 188.

¹⁶ О. К. Попов, Именное словосложение в шведском языке, Ученые записки МГУ, 1963, № 2, стр. 73.

Переводом сложного слова с видовым отношением компонентов может быть литовское суффиксальное слово: *granskog – eglynas* „ельник“, *tallskog – pušynas* „сосновый лес“, *potatissoppa – bulvienė* „картофельный суп“, *kalsoppa – kopūstienė* „щи“.

В случаях, когда первый компонент указывает на назначение второго, наряду с вариантом – сочетание с родительным падежом возможен вариант – сочетание с дательным падежом. При этом дательный падеж может быть приименным и приглагольным: *barnfilmer – filmai vaikams* „фильмы для детей, детские фильмы“, *köttkvarn – mašinėlė mėsai malti* „мясорубка“ (букв. „машинка для размельчения мяса“), *tandborste – šepetukas dantims valyt (dantų šepetukas)* „зубная щетка“.

Дательный назначения с инфинитивом нетрудно отделить от изъяснительного родительного с семантикой назначения, так как конструкция с дательным падежом обычно указывает на несобственное назначение предмета или на употребление предмета в каком-то неглавном, частном назначении. Предмет, определяемый с помощью инфинитивной конструкции с дательным назначением, обычно употребляется для другой цели, и назначение, выражаемое с помощью данной грамматической конструкции, не вытекает из семантики самого предмета. Во всех 14 примерах, которые приводятся Й. Балкявичюсом¹⁷, конструкция с дательным падежом называет не собственное, основное назначение предмета: *skeptaitė ašaroms šluostyti* „платочек, чтобы вытирать слезы“ – платочек существует не только для того, чтобы вытирать слезы, *dantys...* „зубы“... – не обязательно для того, чтобы грызть орехи, *qasiuviniai...* „тетради“ – не только для того, чтобы в них решать задачи, *posėdis...* „заседание“ собирается не обязательно для обсуждения плана и т.д.

Особенно яркий пример: *jis mėšlui vežti tetinka* „он годится навоз возить“ (но возит другое).

В случаях, когда предмет употребляется по своему прямому назначению или когда отдельные случаи назначения начинают осмысляться как собственное назначение предмета, употребляется конструкция с родительным: *dėžė batams – batų dėžė* „ящик для обуви, *šepetukas dantims valyti – dantų šepetukas* „зубная щетка“, аналогично *šepetukas rūbams valyti – rūbų šepetukas* „щетка для одежды“. Вот почему невозможно сочетание *lova vaikui miegoti* (должно быть *vaiko lova* „детская кровать“, но вполне может быть *sofa vaikui miegoti* „диван, на котором предназначается спать ребенку“, т.к. основное назначение кровати – спать, а дивана – сидеть, следовательно,

¹⁷ J. Balkevičius, *Lietuvių kalbos sintaksė*, Vilnius, 1963, p. 228.

при несобственном назначении дивана — спать будет употреблена конструкция из инфинитива и дательного назначения. Точно так же шведское *köttståg* „пила для мяса“ должно быть переведено на литовский в зависимости от того, насколько обычной является связь между двумя понятиями, обозначаемыми компонентами сложного слова. На уровне литературной нормы переводом должно быть *piūklas mėsai (piauti)*, но в речи мясников или в индивидуальной речи при наличии в сознании говорящего устойчивых связей между данными предметами может быть *mėsos piūklas*, так сказать, „мясная пила“.

В отдельных случаях переводом сложного слова с изъяснительным отношением компонентов будет сочетание с каким-либо другим падежом, кроме родительного, конкретизирующим характер весьма широкого отношения: *skinksmörgās — sumuštinis su kumpiu* „бутерброд с ветчиной“, *fönsterplats — vieta prie lango* „место у окна“, *batfärd — kelionė laivu* „пароходная прогулка“. Характерно, что в большинстве случаев возможно и сочетание с родительным падежом, и в этом случае выражается лишь общая соотносительность: *kumpio sumuštinis, laivo kelionė*.

Таким образом, основным вариантом перевода сложных слов данной группы является сочетание с родительным изъяснительным. Частным случаем перевода сложных слов с компонентным отношением назначения будет сочетание с дательным с инфинитивом. Число сложных слов, как эквивалентов шведским сложным словам, в этой группе значительно больше, чем в остальных, в связи со свойством многих литовских сложных слов выражать видовые отношения. Кроме того, семантика назначения является наиболее часто встречающимся случаем семантических отношений внутри литовского сложного слова¹⁸, поэтому многим шведским сложным существительным с семантикой назначения соответствуют литовские сложные: *högaffel — šienšakė* „вилы для сена“, *träskruv — medsraigtis* „шуруп“ (для деревянных поверхностей), *hästaskosöm — pasagvinė* „гвоздь для подковы.“

Среди отношений по относительному признаку, характерных для данной группы, выделяются отношения по постоянному или характерному признаку. Семантика соответствующих слов и одинаковость перевода сближает их со словами, относящимися к группе качественного признака. Переводом для таких слов будет, как правило, сочетание с относительным прилагательным с суффиксом *-inis* или *-iškas*: *nattklubb — naktinis klubas* „ночной клуб“ (особый), *nattvakt — naktinis sargas* „ночной сторож“, *sommarklänning — vasarinė suknelė* „летнее платье“ (всегда остается летним, в том числе зимой), *šjömansknut — jūreiviškas mazgas* „морской узел“ (особый вид), *barncykel —*

¹⁸ Lietuvių kalbos gramatika, p. 438.

vaikiškas dviratis „детский велосипед“ (отличающийся от взрослого величиной, весом, ценой), *grūdglass – grietininiai ledai* „сливочное мороженое“ и т.д.

Противопоставление сочетания с относительным прилагательным сочетанию с родительным падежом означает противопоставление постоянного признака отношению по принадлежности (*vaikiškas dviratis – vaiko dviratis*), или по соотнесенности как таковой (*pieniniai ledai – pieno ledai* „молочное мороженое“ – в последнем случае подчеркнута субстанция).

Противопоставление по отнесенности – признаку может стираться, поэтому в обиходной речи часты случаи смешения вариантов: *vaikų muilas – vaikiškas muilas* „детское мыло“. В последнем случае будет все же больше подчеркиваться отношение признака, отличие именно этого сорта мыла от других, в первом – связываемость этого сорта с детьми, т.е. общая отнесенность. В последнее время, в значительной степени в результате влияния, оказываемого русским языком, наблюдается расширительное употребление относительного прилагательного в тех случаях, где для литовского обычным является родительный падеж¹⁹: ср. *mokslinis laipsnis* „ученая степень“ как перевод шведского *lärdomsgrad* при обычном *mokslo metai* „учебный год“, *Mokslų akademija* „Академия наук“. Однако во всех тех случаях, в том числе и в случае индивидуального словоупотребления, как *maskviškiai laikraščiai* „московские газеты“, употребление прилагательного возможно потому, что общая отнесенность легко ассоциируется с признаком. Легко представить, что для журналиста, употребившего оборот *maskviškiai laikraščiai*, московские газеты представляются как четко отличающиеся от вильнюсских, например, по стилю, оформлению и т.п.

Для отношения назначения, однако, противопоставление сочетания с родительным падежом сочетанию с относительным прилагательным нехарактерно, поэтому неправ был П. Скарджюс, который считал, что вместо *dantų šepetukas* следует употреблять *dantinis šepetukas*²⁰. Как видим, несмотря на расширение сферы употребления относительного прилагательного, оно не заменяет собой родительного назначения, если семантика назначения не представляет возможности осмысления ее как признака. Поэтому возможны сочетания *arbatinis šaukštelis* „чайная ложечка“, *adatinis kamuoliukas* „клубок для иголок“, т.к. семантика назначения легко поддается замене на признак: особая ложечка меньшего размера, клубок, которым не вяжут, и т.д., но по-литовски нехорошо *pieninis puodukas* (ср. с русским

¹⁹ К. Мустейкис, ук. соч., стр. 78; P. Kniūkšta, *Dabartinės lietuvių kalbos būdvardžiai su priesaga -inis ir jų gramatiniai sinonimai*, disertacija, Vilnius, 1971, p. 1, 78.

²⁰ P. Skardžius, *Priesaga...*, p. 86.

„молочная чашка“), *kavinis malūnēlis* („кофейная мельница“), *batinis kremas* („сапожный крем“).

II. Группа сложных существительных с отношением качественного признака. Переводом для сложных слов этой группы является сочетание с качественным прилагательным или относительным, перешедшим в качественное. Суффиксами таких прилагательных чаще всего являются *-iškas*, *-inis*, *-ingas*: *barnsmil – vaikiška šypsena* „детская улыбка“ (не обязательно на лице ребенка), *änglaröst – angeliškas balsas* „ангельский голос“ (как у ангела), *höstkväll – rudeninis vakaras* (или *rudeniškas*) „осенний вечер“ (не обязательно осенью), *regnväder – lietingas oras* „дождливая погода“.

Выбор суффикса может подчеркивать различие между качественным и некачественным признаком: *feststämning – šventiška nuotaika* „праздничное настроение“ (как в праздник), *festföreställning – „праздничный спектакль“* (происходящий в праздник).

Такое противопоставление находит выражение в переводе одного и того же слова, которое будет относиться, в зависимости от осмысления отношения между его компонентами, то к третьей подгруппе первой группы, то ко второй группе: *vänskapsvisit – draugystės vizitas* „визит дружбы“ и *draugiškas vizitas* „дружественный (дружеский) визит“.

Одно и то же слово может иметь до трех и более вариантов перевода в зависимости от отношений, идентифицируемых контекстом: *festprogram* 1. *šventės programa (švenčių programa)* „программа праздника“ (обычное изъяснительное отношение компонентов с конкретным значением; 2. *šventinė programa* „праздничная программа“ (с подчеркиванием специфического признака) и 3. *šventiška programa* „праздничная программа“, т.е. не обязательно в праздник, но „как в праздник“.

Имплицитность сложного слова в шведском языке создает предпосылки для отнесения одних и тех же отношений к различным пунктам и вообще построения различных классификаций, основанных на семантическом признаке. Поэтому назначение у И. В. Каллистовой может быть отнесено в одних случаях к изъяснительным отношениям, в других – к принадлежности в широком смысле²¹, у О. К. Попова оно выделяется в самостоятельную группу²², а в настоящей статье включается в группу изъяснительных отношений.

Как уже упоминалось, четкой границы между отдельными семантическими типами шведских сложных существительных не существует. Многие случаи, относимые к третьей подгруппе, близко смыкаются с первой: *äppelblomma* „цветок яблони“ – первый компонент раскрывает, поясняет

²¹ И. В. Каллистова, О переводе..., стр. 203.

²² О. К. Попов, ук. соч., стр. 73.

значение второго, но одновременно и указывает на принадлежность обозначаемого предмета или его происхождение. Трудно сказать, какого вида отношения между компонентами существительного *vikingskepp – vikingų laivas* „викингский корабль“: принадлежность в широком смысле или определение по некачественному (изъяснительному) признаку. В таких случаях, как справедливо указывает И. В. Каллистова, близко соприкасающиеся между собой по значению группы имеют много общих черт при переводе. Поэтому отнесение случаев „изъяснительного признака“ к „принадлежности“ не повлечет ошибки в переводе на литовский язык таких слов как *kānslovārld – jausmų pasaulis* „мир чувств“, *tremaktkomission – trijų valstybių komisija* „комиссия трех держав“²³.

Иначе обстоит дело со случаями, которые О. К. Попов относит в рубрику „назначение“. Проверить на литовском материале, действительно ли данное сложное слово содержит семантику назначения, легко. Всякое именное словосочетание с семантикой назначения может быть представлено в виде глагольного сочетания с предметом назначения в дательном падеже, которое может свертываться в именное сочетание с родительным падежом в случае постоянного отношения назначения. *Glasögonfodral – futliaras akiniamis (laikyti) – akinių futliaras* „футляр для (держания в нем) очков“, *handelsattache – atašė prekybos reikalams – atašė prekybos reikalais užsiiminėti – prekybos atašė*. Но литовские эквиваленты шведского *mattdomare* „судья на ковре“ – *teisėjas ant kilimo, kilimo teisėjas* не могут быть преобразованы как *teisėjas kilimui teisti* (судья для того, чтобы судить ковер) – получается бессмыслица. Следовательно, здесь имеется отношение некачественного изъяснительного признака без семантики отношения назначения.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы считаем, что для правильного перевода определительных шведских сложных существительных на литовский язык достаточно выделять указанные нами два типа отношений между компонентами сложного слова, выявляя три подгруппы в группе относительного признака. При наличии ряда смежных случаев, которым соответствует неоднотипный перевод, указанные семантические типы достаточно отчетливо противостоят друг другу. Каждому семантическому типу соответствует особая система способов передачи на литовский язык, представленная в совокупности основных и неосновных вариантов перевода.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko universitetas
Anglų filologijos katedra

Įteikta
1972 m. spalio mėn.

²³ Эти и следующие примеры взяты из статьи О. К. Попова, стр. 73.